

Находясь в окружении стран, переживших «арабскую весну», Израиль остается на Ближнем Востоке единственным островком стабильности. В чем секрет выживания? Как удастся противостоять исламистскому терроризму?

Новостные ленты агентств в июле выдают сообщения одно трагичнее другого: наезд грузовика на отдыхающих в Ницце (84 погибших), взрыв в Кабуле (80 погибших), стрельба в Мюнхене (10 погибших). Объективно, что в таких непростых условиях на первый план выходят вопросы безопасности, как государства в целом, так и каждого человека в отдельности. Наибольший опыт выживания в условиях исламистского терроризма, в окружении беспокойных соседей, с которыми, тем не менее, нужно пытаться сосуществовать, пожалуй, есть только у Израиля.

У проблемы безопасности множество уровней. Есть бытовой: все в Израиле знают, как поступать в случае объявления воздушной тревоги. Остановки общественного транспорта в ряде населенных пунктов одновременно служат и убежищем на случай ракетных обстрелов. В крупные рестораны, магазины, государственные учреждения вход через металлические рамки, и к этому все относится с пониманием.

Есть еще военный аспект, есть политический...

Имеет ли отношение к данной проблеме лечение в госпитале раненых в ходе войны в Сирии мирных жителей и ополченцев (или, может быть, даже боевиков)? Да, имеет, отвечают, как сговорившись, и доктор из госпиталя, и военный чин. И объясняют: «Войны заканчиваются когда-нибудь, а с соседями нам придется жить рядом долгие годы».

А проблемы поставки гуманитарной помощи в депрессивный регион, в данном случае в сектор Газа? И здесь тот же примерно ответ: «Войны заканчиваются...»

ПОДАРОК ДЛЯ ДОКТОРА

Госпиталь «Зив» в городе Цфат, что на севере страны, нам, журналистам из России, решили показать специально, поскольку он ближе по профилю к российской региональной или даже центральной районной больнице. Первое, что удивило: от нас не стали требовать, чтобы мы надели халаты и бахилы. «А зачем? Здесь и так все время убирается, все стерильно», — был ответ. Разумеется, стоит здесь самая современная техника, есть все необходимые врачи. Больница одновременно выполняет функцию кафедры медицинского факультета вуза. Лечат здесь взрослых и детей, военных и гражданских. Обслуживает она примерно 250 тысяч жителей из ближайших городов и поселков.

В мирное время врачи лечат, в основном, гражданских пациентов, в условиях боевых действий госпиталь становится прифронтовым военным. В ходе последней войны (Второй ливанской, июль 2006 года), через госпиталь прошло более 1200 раненых. В рассказах докторов то и дело проскальзывало: «Время подлета вертолетов с ранеными от ливанской границы столько-то минут, от сирийской границы — столько-то».

В госпитале есть отделение для приема сирийских беженцев. Сирийцев лечат, несмотря на то, что между странами нет мирного договора, и в войне в Сирии Израиль не участвует. Как они сюда попадают?

— Доставляет военная «скорая помощь», а находят их на границе военные патрули, — пояснил руководитель травматологического отделения, хирург Александр Браславски. — Началось все с одного случая, когда к границе с сирийской стороны принесли и бросили истекающих кровью шестерых раненых. Израильские военные не знали, как с ними поступить: лежат на сирийской стороне, оставить — точно умрут. Приняли решение: забрать в госпиталь, но особенно не афишировать... Потом поток усилился, да и сработало, очевидно, «сарафанное радио». Поступал к нам, к примеру, трижды один и тот же пациент, каждый раз после очередного ранения. На чьей стороне они воюют, не спрашиваем, мы их просто лечим. Очень много мирных жителей, которые страдают в ходе боевых действий.

И здесь впервые прозвучала эта фраза: «Войны заканчиваются, а они наши соседи».

Провели нас по палатам, показали парней-сирийцев, которых готовили к операциям. Их охраняли израильские девушки-военнослужащие. Сопровождавший доктор грозно посмотрел в их сторону, но на наше появление девушки никак не прореагировали, увлеченные смартфонами.

Навестили в отдельной палате молодую женщину — сирийку, спина которой, по словам доктора, буквально вся иссечена мелкими осколками от разорвавшейся мины. При виде доктора она улыбнулась. Журналистка из Подмосковья передала ей через медсестру коробку конфет, та и ее одарила благодарной улыбкой.

Профессор Александр Лернер назвал несколько цифр:

— Мы пролечили 620 сирийцев. Десять из них умерли здесь, у них оказались

тяжелые травмы, несовместимые с жизнью. Сейчас в госпитале проходят лече- ние около десяти сирийцев.

Профессор показал в своем кабинете фотографии, с какими ранениями посту- пают сирийцы. Даже видеть снимки — тяжелое испытание: раздробленные кости, вырванные куски плоти, иссеченные осколками тела, отсутствие конечнос- тей...

— Да, — подтвердил доктор, — много операций по ампутации конечностей, протезированию, среди пострадавших немало детей.

Война бьет, прежде всего, по самым незащищенным.

Над рабочим столом профессора Александра Лернера висит в рамке рисунок ребенка, восьмилетней сирийской девочки. Это самый дорогой подарок, который ему подарили пациенты.

— Когда отец отправлял дочку в госпиталь, он ей наказал не разговаривать с врачами-евреями. Но ребенок чувствует, как к нему относятся, и на добро отвеча- ет добром.

НА ЛИВАНСКОЙ ГРАНИЦЕ — ТРЕВОЖНАЯ ТИШИНА

На границе, как известно, тучи ходят хмуро... На ливано-израильских рубе- жак к моменту нашего прибытия не было ни облачка.

Диспозицию нам обрисовал майор Арье Шликер, начальник отдела иностран- ных СМИ пресс-службы Армии обороны Израиля (АОИ). Наш гид оказался сред- него роста, плотного сложения, бритый наголо. Привел он нас на смотровую пло- щадку, с которой открывается потрясающий вид на десятки километров на за- пад, север и восток.

— Слева от нас, на западе, — берег Средиземного моря, прямо, на север, ли- ванская территория, направо, на восток, — высоты, расстояние от побережья до границы с Иорданией 200 км, из них более ста километров — граница с Ливаном.

Майор показал рукой в сторону севера:

— Границу определить просто: все, что зеленое — это Израиль, сухая пусты- ня — Ливан. Еще один признак — видите дорогу, которая идет как прочерчен- ная — это дорога для военных патрулей. За ней находится заграждение, а даль- ше — собственно сама граница.

Офицер указал еще на несколько точек:

— Видите, где стоят мачты и антенны? Там находятся израильские военные базы. Дома с черепичной крышей в зеленой зоне — это израильские поселки. Вдоль границы с Ливаном около 20 израильских поселений.

— А что на той стороне?

— Густонаселенные, густозастроенные деревни, в которых нет зелени — это ливанские деревни преимущественно с шиитским населением. Как вы уже слы- шали, наверное, — пояснял офицер, — Ливан как государство был соткан искус- ственно, вобрав население разных конфессий, разных вероисповеданий. Есть и мусульмане-сунниты, и мусульмане-шииты, и христиане-марониты, и друзы. В южной части Ливана, который примыкает к нашей границе, расселено преимущ- ественно христианское и суннитское население. За последние тридцать лет де- мографическая картина изменилась, и эти места заселили шииты.

На вопрос: чем же эта граница опасна, офицер дал такое пояснение:

— Мы находимся сегодня в тихом месте, но это взрывоопасное место, может быть, самое взрывоопасное в нашем регионе вблизи наших границ. Это как в го- рах: тишина, но она обманчива, может в любой момент оборваться, в любой мо- мент может сойти лавина.

И пояснил, что имеет в виду:

На границе с Сирией

— Эта граница — место работы разведок с обеих сторон, очень интенсивной работы. Можно сказать, что мы находимся в точке, где происходит скрытая война... По данным разведки, почти 300 деревень из тех, которые находятся на севере нашей границы — это деревни двойного назначения: там живут крестьяне, ведут мирную жизнь, и в то же время эти деревни являются базами военизированной организации «Хезболла», крепостями... Мы следим, сколько там оружия, как ведется подготовка укреплений.

Как устроена такая деревня-крепость, наш гид подробно рассказал:

— Примерно каждый третий дом в деревне построен, сконструирован, оборудован, как ДОТ. «Хезболла» не делает различий, выбирая строения. Это может быть частный дом, больница, детский сад, да все что угодно. Если он им подходит, то дополнительно к его функции оборудуют его как оборонительное сооружение. В 250 деревнях, о которых мы говорили, имеются склады вооружения. Большая часть ракет радиусом действия около 40 километров, то есть они могут долететь до Хайфы. Несколько тысяч из них — большего радиуса действия и они достигают уже Тель-Авива. Разведка, конечно, не математика, не точная наука, но когда израильская разведка что-то говорит, то опирается, как правило, на проверенные данные, — сказал Арье Шликер.

И привел такой пример, объясняющий, почему израильтяне опасаются ракет «Хезболлы»:

— Летом 2014 года у нас проводилась большая контртеррористическая операция в секторе Газа «Нерушимая скала». Там ХАМАС в десятки раз слабее «Хезболлы» по количеству и качеству вооружения, по финансовым возможностям, но им удавалось каждый день запускать десятки ракет по нашей территории. Большая часть была сбита «Куполом» (тактическая многоуровневая система противоракетной обороны «Железный купол» — В.Р.), но, тем не менее, они нанесли урон Израилю. Мы опасаемся запуска ракет «Хезболлой», потому что при массированных пусках — больше двух тысяч ракет — противовоздушная оборона не сможет отразить нападение.

По репортажам российского телевидения из Сирии мы знаем, что «Хезболла»

активно воюет в Сирии на стороне президента Асада. У Израиля, как мы поняли из комментария представителя пресс-службы армии, свое видение статуса этой организации:

— «Хезболла» — это военизированная организация, построенная как армия, — говорил нам Арье Шликер. — Нашей армией она определяется, как более сильная организация, чем ИГИЛ, запрещенный в России. На сегодняшний день «Хезболла» по факту сильнее, чем армия Ливана. Мы становились свидетелями вооруженных стычек между ними, но пока в них побеждают вовсе не правительственные войска. Поэтому Армия обороны Израиля находится круглосуточно, семь дней в неделю, в постоянной боевой готовности. Мы готовы к тому, что в любой момент может произойти событие, происшествие, которое станет поводом для начала военных действий. Армия несет ответственность за безопасность граждан, их здоровье, поэтому мы не можем допустить обстрелов нашей территории и жертв среди мирного населения.

Чтобы подчеркнуть сложность и противоречивость обстановки в регионе, Арье Шликер акцентировал внимание журналистов на следующем:

— Самое главное прошу понять и записать: у Израиля нет никаких конфликтов с государством Ливан. Тут израильско-палестинский конфликт ни при чем. Мы надеемся, что такое же мирное соглашение, как в свое время мы подписали с Египтом и Иорданией, в ближайшем будущем подпишем с Ливаном.

В какой-то момент отмечаешь: чем больше получаешь сведений, тем более противоречивой кажется информация. И только тогда приходит понимание: это Восток, именно на таком замесе противоречий, интересов и строится политика в этом регионе.

НА ГОЛАНСКИХ ВЫСОТАХ

На Голанское плато, с которого открывается вид на сирийскую территорию, мы добираемся по серпантину. Дорога причудливо петляет по склонам горы, постепенно выводя нас на высокогорное плато. Вдоль тянутся фруктовые сады, периодически попадают загоны для скота.

На Голанских высотах произошло во время арабо-израильской войны 1973 года (в Израиле ее называют войной Судного дня) крупнейшее после Второй мировой войны танковое сражение. И последнее, в котором танки как вид вооружения играли ключевую роль. В случае победы сирийцы открывали себе прямую дорогу на Тель-Авив. Израильцы гордятся тем, что, имея меньше танков, смогли одержать победу. Напоминанием о той войне служат оставленные, видимо, неслучайно, неподалеку от границы, подбитые сирийские танки. Кто сирийцам поставлял технику, конечно, догадаться несложно.

По сторонам дороги к площадке, с которой открывается вид на долину, стоят несколько брошенных военных укреплений. И фигурки «солдат», «динозавров» и прочей «живности», собранные руками умельцев из металлолома. Такой себе музей нового искусства под открытым небом.

Наш военный гид майор Арье Шликер знакомит нас с ситуацией на сирийской границе:

— Мы находимся вблизи границы с Сирией. Возделанная земля более темного цвета и зеленая зона — это наша территория. Невозделанная, более светлая — сирийская. Видите там, справа, белые строения? Это переходный пункт Кунейтра. Справа от него комплекс зданий, база войск ООН. После того, как закончилась война Судного дня, даже еще пять лет назад, это была самая спокойная граница. Прекращение войны не было зафиксировано в соглашениях, но никаких попыток проникновения и провокаций не было. Там вдали — военная база нашей ар-

мии. Озеро, которое прямо перед нами, это озеро Кунейтра и рядом город с таким же названием. В 1973 году, во время войны Судного дня, жители города оставили его. Теперь это брошенный город, там нет людей. Они отстроили новый — он виден слева вдаль. Здесь, где мы стоим, можем слышать звуки перестрелок...

После этих слов гида я прислушался: словно по команде с сирийской стороны донеслись приглушенные расстоянием звуки артиллерийских выстрелов.

— Еще месяц назад они были еще более интенсивные, — пояснил Арье Шликер. — Сейчас спокойнее, но все время там идет война, стрельба... Мы находимся в самом центре Голанских высот. Отсюда четко видно распределение сил Асада и его противников.

Арье указал вдаль:

— Так вот, все, что севернее от Кунейтры, находится под контролем сирийских друзей и «Хезболлы», которая помогает Асаду. Все, что справа от озера Кунейтры, в сторону Иордании, это позиции повстанцев. Когда говорим о повстанцах, мы имеем в виду порядка пятидесяти разных организаций — центральное место занимает суннитская организация «Джебхат ан-Нусра» (террористическая организация, запрещена в России. — *В.Р.*). Есть среди них организации, которые нельзя отнести к повстанцам. Это формирования, охраняющие свои территории от непрошенных гостей.

Видите дорогу справа вдоль границы? Там вдаль есть точка, где сходятся три границы — сирийская, иорданская, израильская, вблизи города Дары. И там контролирует территорию еще одна организация, полностью аффилированная с ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в России. — *В.Р.*).

Завершает свой рассказ о границе майор Арье Шликер такими словами:

— Мы не вмешиваемся в то, что происходит по ту сторону. То, что нас волнует, — мир и спокойствие по нашу сторону границы. Видите: здесь мы спокойно стоим, здесь гуляют туристы — вот эта ситуация, которая нам нужна.

ДОРОГА В СЕКТОР ГАЗА

При подъезде к пропускному пункту Керем Шалом замечаем разношерстно одетых гражданских с оружием в руках. Наш сопровождающий советник по связям с прессой посольства Государства Израиль в Российской Федерации Алекс Кагальски успокаивает:

— Это ЧОПовцы.

Здесь же на входе в пункт пропуска в очередь выстроились десятки многотонных фур.

Директор пункта пропуска Ами Шакед, сухощавый, с косичкой волос под бейсболкой, принимал нас в своем офисе-вагончике. С правой стороны от входа — тумбочка с осколками мин и снарядов, слева на стене монитор, транслирующий все, что видно на территории пункта пропуска с воздушного шара, висящего над базой.

Ами Шакед рассказывает:

— Это единственный переход, который ведет в сектор Газа, через него туда поступают товары со всего мира. И израильская гуманитарная помощь, и международная. Пять других переходов были закрыты, потому что подвергались атакам исламистских террористов. Отвечает за этот переход министерство безопасности Израиля, потому что никакие гражданские структуры не могут обеспечить его функционирование так, как должно. Когда вы выйдете на улицу и увидите, как происходит движение машин и передача палестинской стороне грузов, — это, может быть, выглядит не так внушительно. Но со стороны безопасности все хорошо продумано, и мы можем дать ответ на любой вызов. Пункт пропуска находится на

Группа российских журналистов у Стены мира на границе с сектором Газа

границе с Египтом, но путь туда сейчас закрыт, там неспокойно, даже осколки долетают сюда.

При этих словах Ами поднял со стола пепельницу, в которой оказалась пригоршня покоренных осколков.

— С другой стороны, с палестинской, есть ХАМАС и другие исламистские политические группировки, и вот такие подарки, — показывает на тумбочку с осколками, — мы получаем от них. В этой сложной обстановке задача нашего коллектива — обеспечить получение грузов и всего, что необходимо населению сектора Газа, а это 1 миллион 800 тысяч человек.

Ами Шакед продолжает:

— Я восемь лет уже здесь работаю. Говорю во сне на арабском, вижу сны на арабском. Каждый день нахожусь на связи с представителями другой стороны. Я понимаю, насколько им тяжело жить, слышу это от палестинцев, потому что они живут в оккупации. Но не Израиля, а организации ХАМАС (ХАМАС — палестинское исламистское движение и политическая партия, правящая в секторе Газа с июля 2007 года. — В.Р.). У них отменены все права — на демонстрации, на волеизъявление... Никаких демократических прав. Тот, кто просто пытается заявить о своих правах, исчезает. Они платят двойные налоги — своему правительству и ХАМАСу. И это при тех минимальных зарплатах, которые они получают. За счет этих поборов исламистское движение содержит боевиков.

— Как строится ежедневная работа на пункте пропуска? — попросили рассказать журналисты.

— 850 грузовиков перевозят грузы в сектор Газа. Количество поступающих грузов превышает возможности сектора его оплачивать. Этим и объясняется, что большая часть грузов — пожертвования. Грузы мы проверяем на предмет безопасности, чтобы в сектор не поступало оружие и взрывчатка. Здесь есть пункт таможенного, ветеринарного контроля. И больше никакого контроля нет. Что заказывают, то и получают. Сейчас мне поступило указание: количество грузов через переход будет увеличено вдвое. Значит, можно надеяться, что экономика сектора начнет расти и товароборот увеличится.

Какие грузы идут в сектор Газа, а какие в обратную сторону? Ами Шакед пояснил, что в большом объеме поступает цемент — на восстановление жилых построек, пострадавших в ходе контртеррористической операции, продовольствие, медикаменты, бытовая техника. Не чинят препятствий движению товаров, которые сами палестинцы закупают в Израиле и других странах мира. В обратную сторону идет текстиль, выращенная в секторе Газа сельхозпродукция, цветы, столярная продукция, металлолом. Эти товары закупают Израиль, Иордания, страны Евросоюза.

Как происходит передача грузов от одной стороны другой? В «шлюз» — на площадку, огороженную шестиметровым бетонным забором, загоняют израильские фуры, разгружают, и они уходят обратно. После этого заходят палестинские фуры, которые забирают грузы и везут их в палестинскую часть пункта пропуска. Там грузы передаются уже другим перевозчикам. Руководитель пункта пропуска подчеркнул:

— При такой организации мы избегаем непосредственного контакта между израильтянами и палестинцами, если только не брать в расчет охрану пункта пропуска.

После разговора с Ами Шакедом нас передали в распоряжение его заместителя. Вместе с охранником и заодно переводчиком Виталием идем смотреть, как устроен пункт пропуска. Перед этим небольшой инструктаж:

— Если поступит команда тревоги, ложитесь на землю, не задавая вопросов.

Идем, смотрим... Хотя, по большому счету, смотреть-то и на израильской части пункта, и на палестинской особенно нечего: большие площадки, обнесенные высоким забором, на паллетах — цемент, продовольствие, баллоны с кислородом для больниц. Поступившие из сектора прессованные тюки с металлоломом обследует сапер с собакой. К слову, грузов немного, видно, что процесс организован ритмично и все, что прибывает, сразу же отправляется на другую сторону.

Поднимаемся на смотровую площадку на высоте забора. Гид показывает:

— В той стороне — сектор Газа.

Я всматриваюсь вдаль, но глазу не за что зацепиться — насколько хватает видимости, простирается выжженная под жарким солнцем пустыня. Как же здесь можно жить?

...У Ами Шакеда спросили: интересуются ли израильские журналисты работой пункта пропуска?

— Нет, только если это касается вопросов безопасности.

Я не удивился такому ответу. В Израиле все замыкается на вопросах безопасности, вся жизнь подчинена этому требованию.

Из пункта пропуска мы заехали в офис управления по координации деятельности правительства на палестинских территориях. Руководитель управления подполковник армии обороны Израиля Адам Авидан рассказал:

— Мы разделяем террористов и мирное население. Населению стараемся помогать. Знаем, что гуманитарная ситуация в секторе Газа катастрофическая: не хватает электроэнергии, воды, высокая безработица. В связи с этим в 2014 году была изменена наша стратегия: мы стали делать ставку на большую помощь в гуманитарной сфере. С 2014 года по настоящее время завезли тысячи тонн строительных материалов, из которых основную часть ХАМАС забрал для строительства тоннелей. Палестинцы могут получать разрешения, чтобы попасть в Израиль: 1200 человек ежедневно из сектора Газа попадают на территорию страны. Мы готовы подать в автономию природный газ, построить опреснительные станции. Но мы ждем и ответных шагов по стабилизации общественно-политической ситуации, а их пока не видим, как не видим желания диалога. Предпринимаем активные действия, потому что хорошо понимаем: в случае гуманитарной катаст-

рофы гнев мирового сообщества будет направлен против Израиля, а не против исламистского движения.

Знают ли власти Израиля о реальных потребностях сектора Газа?

— Конечно, знаем, — ответил подполковник. — И из собственных источников, и от международных организаций, которые мониторят ситуацию.

Уже в конце встречи Адам Авидан произнес:

— Мы живем рядом с палестинцами, они наши соседи, мы хотим, чтобы на наших землях сохранялся мир и спокойствие.

...На обратном пути мы заехали в поселок Натив ха-Асара. Он находится буквально в нескольких метрах от бетонной стены, отделяющей израильскую территорию от сектора Газа. Живущие здесь израильтяне уверены, что диалог с палестинцами возможен, стараются помогать им, создали организацию «Иной голос». И это вселяет оптимизм на примирение сторон в будущем.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Осведомленный источник в МИД Израиля так обрисовал нам ситуацию:

— Будущее на Ближнем Востоке прогнозировать тяжело и попросту невозможно. Сирия и Ливан вступили в долгий период нестабильности. Мы должны свыкнуться с мыслью, что сегодня граничим не только с государствами, но и с террористическими образованиями.

Может возникнуть вопрос, а при чем здесь Россия, касается ли то, что происходит в этом регионе, нашей страны?

Бывший посол Израиля в России, старший научный сотрудник Института исследований национальной безопасности Цви Маген высказал мнение:

— Мы живем в сложном регионе, у нас есть определенный опыт выживания. И он может быть полезен вашей стране.

ВТОРОЙ ФРОНТ ДЛЯ РОССИИ ПРОХОДИТ ПО БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ

Опыт Израиля в обеспечении безопасности, несомненно, полезен нашему государству. Ключевой структурой в формировании стратегии государственной безопасности Израиля является Институт исследований национальной безопасности Тель-Авивского университета (INSS), считающийся лидером в своей области и включенный в рейтинг 50 ведущих научных учреждений в мире. Возглавляет институт генерал-майор запаса Амос Ядлин.

Главная ценность института — его эксперты, хорошо известные по публикациям в мировых СМИ и по выступлениям на престижных международных форумах: Цви Маген, старший научный сотрудник института, экс-руководитель спецслужбы «Натив», экс-посол Израиля в России; доктор Сара Файнберг, научный сотрудник института, профессор Школы государственного управления и политики им. Хартога при Тель-Авивском университете; Вера Михлин-Шапир, научный сотрудник института, экс-сотрудник Совета национальной безопасности Израиля, экс-сотрудник офиса премьер-министра. Одним из последних, кто присоединился к кругу научных сотрудников, экс-министр обороны Моше Яалон.

С первых минут общения с российскими журналистами инициативу в свои руки взял Цви Маген. Предложил задавать вопросы, которые интересуют нас, при необходимости гибко менять тематику разговора. Сразу уточнил статус экспертов: «Кто мы есть? Мы не являемся чиновниками на госслужбе, нам можно все, мы говорим чистой водой отсебятину». Много шутил, цитировал советских клас-

сиков — Бабеля, Маршака, Солженицына. И именно он отвечал большую часть отведенного для интервью времени на вопросы журналистов.

Разговор между тем охватывал серьезные темы — ситуация на Ближнем Востоке, роль России в войне в Сирии, отношения между нашими странами.

О БЕЗОПАСНОСТИ ИЗРАИЛЯ И НЕ ТОЛЬКО ЕГО

Первый вопрос, конечно же, касался темы безопасности.

— Мы объездили много точек в стране, побывали на границах, убедились, что одна из самых главных проблем, учитывая, что Израиль находится в окружении стран, охваченных войной, — это проблема безопасности. Какой она видится из стен вашего института?

— Проблема безопасности реально существует, и в зависимости от того, кому мы подаем проблему, мы меняем нюансы. Или мы очень бедные и слабые, весь мир против нас, или наоборот. Есть много подходов в этом вопросе. Да, действительно, мы живем в сложном регионе, сегодня ни для кого не новость и не секрет, что здесь происходит и какие из этого могут быть последствия. И мы здесь выживаем. Но в отличие от многих других, которые вдруг столкнулись с этими реалиями, у нас есть определенный опыт выживания. Поэтому у нас к этой проблематике несколько иной подход.

В вопросе безопасности выделяем два уровня проблем. Один — это наши отношения с исламским миром, который нас не принимает до данного момента, хотя есть уже сдвиги и трещины в этой «стене», и который считает, что нам не место здесь, хотя мы уже являемся частью западного, да и всего мира.

Второй уровень — у нас непосредственный конфликт с теми, кого называют палестинским народом. Война и противостояние происходит на общественном, политическом, журналистском уровне, так или иначе нас выставляют в неблагоприятном свете. Чего хотят палестинцы? Есть несколько нюансов, в основном они хотят, чтобы мы исчезли. Вообще! Но у них есть проблема. Во-первых, они между собой трудно договариваются. Палестинцы из сектора Газа подключаются к исламской идее, глобальной идее (исламского халифата. — В.Р.). Они не хотят государства, они не хотят ничего, они хотят победы под тем же знаменем исламизма. И они хотят уничтожения Израиля.

Другая часть — Палестинская автономия. Ее представители хотят говорить о создании палестинского государства. Но только на словах. На самом деле боятся... Боятся принимать решения, потому что сегодня общественное мнение в исламском мире создают те или иные исламские силы, которые рассматривают их как вызов. Поэтому на данном этапе, в данном поколении принимать такие практические решения они не намерены. Можно собрать их, организовать им международную помощь. В финансовом отношении им живется не совсем плохо, поэтому на информационном поле они раскручивают темы противостояния, войны с Израилем. Вот такие наши проблемы. В тот же момент, когда мы дадим слабину, нас съедят живьем. Чего и вам желаю: в смысле не сдаваться!..

После этой фразы Цви Маген сделал паузу, изучающе оглядел гостей из России.

— Проблемы сперва начинаются здесь, в регионе, потом они переходят в мировую практику. Нынешнее мировое противостояние, нынешний мировой вызов, интифада такая — это волки-одиночки. И они кажутся чем-то несерьезным. Мол, чем он, одиночка, может навредить? Не важно, с чем он — с ножом или бомбой, или еще с чем-либо! И пусть он не всегда формально принадлежит к той или иной исламской организации, которая посылает его на верную смерть, однако надо помнить: на каждом отдельно взятом этапе этот одиночка-террорист лично прини-

мает решение, убежденный, что отдаст жизнь за идею, становясь шахидом. И вот результат — теракт! С ножом, грузовиком, бомбою...

А кто их вербует и как их вербуют? И тут подключается заново та же проблема — их вербуют по сети. Да они вообще не члены организации, кроме тех людей, которые посылают их на смерть. Масса людей, включая и живущих в вашем регионе, в один прекрасный день решает, каждый по отдельности, стать шахидом или шахидкой — и мальчики, и девочки берут в руки оружие и идут резать людей. Это сегодняшний вызов, так сегодня выглядит планета.

И говоря о нашей безопасности, по-моему, сегодня уже нужно говорить о глобальной безопасности, международной безопасности. Тогда как-нибудь совместно выживем — наше дело правое.

О РОЛИ РОССИИ В СОБЫТИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Уже более полугодом федеральные российские СМИ подробно рассказывают об операции российских ВКС в Сирии. Мы уже знаем название многих сирийских городов и ситуацию в них намного лучше, чем обстановку в российских регионах. Что там происходит? Как оценивают эту войну израильские эксперты? Какое отношение события на Ближнем Востоке имеют к ситуации внутри самой России? — спросили у израильского эксперта.

— Где здесь Россия? Хорошо, отвечу... Россия борется за статус глобальной державы, в будущем многополярном мире их будет три-четыре-пять. На данном этапе есть только одна, которая параллельно может иметь дело со всеми на земном шаре и диктовать свои условия. Все остальные — региональные. Когда небезызвестный вам господин Обама хотел обидеть небезызвестного вам господина президента Путина, то он обозвал Россию региональной державой.

Россия пришла на Ближний Восток по причинам своих многогранных интересов. Условно их назовем — по причинам противостояния с Западом. Не по ближневосточным интересам, нет у нее таких! Ее интерес — у себя дома! Хотите спросить мое мнение? Это вопрос выживания! Сегодня Россия борется за свое выживание, как государство, как держава. И этот вызов — в российском понимании — вызов Западу России. И все, что происходит ныне, — Украина и иже с ней — это результат давления на Россию. Включая санкции, включая все происходящее на экономическом, финансовом и других пространствах. И России из этого как-то надо выбираться — тем или иным методом, включая силовой, так или иначе аннулировать, решить эту проблему. А иначе проблема рассчитана на то, что Россия не выстоит, я так понимаю. Не выстоит — имеется в виду, что дестабилизируется изнутри. На что и направлены санкции. Один из ответов России на этот вызов — Ближний Восток, поэтому Россия здесь.

Теперь я могу израильскую позицию назвать: это второй фронт. Первый фронт сегодня проходит в Восточной Европе, по Украине и другим регионам: там противостояние одно, второе противостояние с Западом здесь. Россия скрестила в сирийском пространстве шпаги не просто с ИГИЛом, а с Западом.

Цви Маген охотно развил тему сирийской кампании, в которой участвуют страны Запада и Россия:

— Война в Сирии, как я уже сказал, многогранная и многослойная. Там несколько войн. Для непосвященных рассказываю: во-первых, гражданская война, которая стала результатом процесса, называемого «арабской весной». И из этой войны Сирия тоже не смогла выйти, и уже пятый год — сплошная поножовщина! Четверть миллиона, как минимум, погибших, несколько миллионов беженцев. От Сирии почти ничего не осталось. Но там еще несколько других войн! Идет вой-

на с ИГИЛом (террористическая организация, запрещена в России), который захватил две трети территории, большую часть Сирии, в основном пустыню, но все же это пространства — и там находится. В других местах тоже — в Ираке, но его мы пока не затрагиваем, потому что там России нет.

В Сирии идет противостояние всего цивилизованного человечества с ИГИЛом. Пока он еще там, пока не получается его выставить оттуда, так или иначе разбомбить, не посылая сухопутных войск, которых никому не рекомендуется туда посылать.

Карту гражданской войны Россия разыграла очень неплохо. Рассматриваем теперь российские интересы. Все это было сделано якобы под эгидой войны с ИГИЛом, а на самом деле его не трогали — извините! Ну, так, иногда пытались на минимальном уровне, а в основном работали с сирийской оппозицией. Работали против нее, поддерживая Асада, и в коалиции с несколькими, назовем их так, «хулиганами» — с Ираном, с «Хезболлой», — шиитской организацией в Ливане, которая практически держит весь Ливан за горло, — с шиитской милицией, которая понаехала из разных мест — из Ирака, из Ирана. Они создали военную коалицию.

И тут мы вступаем в это «болото». Почему? Потому что вся эта коалиция находится на наших северных границах. А это самые жесткие противники Израиля — Иран и «Хезболла». И как два государства, Россия и Израиль, решают этот вопрос? А решают они его в Москве за чашкой коньяка или чего-то там еще, мирно и тихо. И поэтому у нас уже было четыре визита на высшем уровне в Москву — три Нетаньяху и один президента, и намечается пятый визит, коль правильно я понимаю обстановку...

Россия хотела провести свою операцию в том плане, чтобы реконструировать Сирию в соответствии со своими интересами, неважно какими. Израиль в этом отношении хочет только одного: чтобы нам не мешали, и чтобы эти, условно говоря, «хулиганы» не создавали в Сирии базы террора против Израиля. В этом и есть суть договора Израиля с Россией. Израиль жестко сказал: мы делаем в Сирии то, что считаем нужным, и Россия приняла этот вызов. Иногда просачиваются в прессу те или иные сведения об израильских операциях: там утечка оружия в Ливан пресечена, тот или иной высокопоставленный представитель «Хезболлы» или Ирана отдал концы — неважно!

В регионе Россия имеет лидирующее положение, поэтому все вопросы решаются на базе взаимопонимания, договоренности. И к этому очень нервно присматриваются на Западе. А нам, экспертам, нужно объяснять, давать интервью: а что собственно россияне здесь ищут, что собственно наобещали мы друг другу. Это реалии: Израиль сегодня основной союзник, соратник России в борьбе с терроризмом, потому что мы решаем общую проблему... Это четко работает на всех уровнях, начиная с элементарного — «горячая красная линия» идет из Хмеймима, базы российских ВКС в Сирии, сюда в Генштаб, в ВВС. Постоянно все контролируется, все на связи, все работает. На политическом уровне это тоже работает, я уже говорил о визитах.

Чего хочет Россия? По нашему скромному мнению, только одного. Догадаться? Нейтралитета! России не нужна наша помощь, не нужно наше вмешательство. Потому что такой игрок, как Израиль, если вмешается в Сирию, в гражданскую войну, то может наломать столько дров, что не дай Бог никому. Израиль разыгрывает именно эту карту: нас не трогайте, и мы никого не тронем! Мы нейтральны, и даем возможность России делать в Сирии то, что она считает необходимым... Война (гражданская. — В.Р.) уже заканчивается, в Сирии достигнуто соглашение, идет договорный процесс между режимом Асада и его соперниками. На данном этапе война идет только против джихадистов. Позиции России в Си-

рии еще окончательно не выкристаллизовались, потому что коалиция Запада к себе не подпускает.

Все пытаются реорганизовать или переорганизовать Сирию. От россиян мы переняли такое понятие, как «федерализация Сирии». Оно означает, что той Сирии, какая она была до войны, уже не будет. А будет несколько других участков, регионов, районов, штатов — чего угодно, если хотите. И Россия играет здесь первую скрипку, у нее это получается, эта игра, и Запад вынужден с зубовым скрежетом подстраиваться. Куда приведет этот процесс, мы еще не знаем. Я не очень удивлюсь, если выяснится, что Израиль совместно с Россией тоже замешан в процессе федерализации Сирии.

— Какие еще вызовы вы видите в связи с войной в Сирии?

— Проблема в том, что война только началась на мировой уровне. Я не знаю, о чем договорились американцы и россияне в Москве по поводу противостояния ИГИЛу, но проблема так быстро не решается. Если их выгонят из Сирии, то они плавно перетекут в другое место. Не дай Бог, на север. А именно туда они метят — обратите внимание на Кавказ, на Среднюю Азию. И севернее тоже... Поэтому и идет реорганизация Южного военного округа (центр — в Ростове-на-Дону. — *В.Р.*), если вы в курсе, который объединяется с войсками на Ближнем Востоке.

Рассматривается одна общая проблема, в смысле вызовов. Она еще не решена. Мы — в центре этой проблемы. Добраться до Парижа или там Брюсселя и Ниццы, или куда-то там еще — это не так просто, а добраться сюда — раз плюнуть. Поэтому у нас проблема безопасности по-прежнему существует, но она теперь — шутки в сторону! — общая, со всем цивилизованным человечеством. Вся эта группа джихадистов не успокоится, потому что они борются за идею, которая достойна этой борьбы: победитель в этом противостоянии получает все! Чтобы вы понимали их чаяния: тот, кому удастся объединить Ближний Восток — или арабский, или мусульманский — становится мировой державой, борется за мировое лидерство. О меньшем речи не идет.

Спросили Цви Магена и о том, как он оценивает уровень ВКС России, задействованных в Сирии?

— На уровне штурмовки неплохо сработали, да... Но вообще-то работа была проведена — хотя кто я такой, чтобы оценивать, — на должном уровне. Хороша сработано! Bravo, Россия! Уже не шапкозакидательство! Отобрали 40 летательных аппаратов, включая и вертолеты, сорок! И послали их на такую войну! Сказали: не надо количеством, а надо качеством. Тщательно отработали выбор целей, систему ведения боевых действий. Тщательно обозначили тактические и стратегические цели. Сделав это, сумели достичь перелома. Минимальной ценой! Это уже израильский подход.

Поскольку в разговоре был затронут российский Северный Кавказ, то израильского эксперта попросили более обстоятельно прокомментировать его видение обстановки в этом регионе.

— Россия сумела обуздать Кавказ. Все шло с Кавказа: две чеченские войны, громкие теракты... А что такое «Кавказский Эмират» (террористическая организация, запрещена в России), кто знает? — в свою очередь спросил у журналистов Цви Маген.

— Это подразделение ИГИЛ.

— Да, именно так. Они присоединились к борьбе, под суннитскими знаменами против шиитов. Россия сумела их разозлить достаточно грубо: не только тем, что присутствует в Сирии и воюет против них, но и тем, что воюет рука об руку с шиитами. Да, Россия сумела жестко разобраться, сумела стабилизировать обстановку на Кавказе, но это пока временное затишье. Это даже не перемирие, а времен-

ное затишье. У вас целый регион — Волго-Уральский регион, Татарстан — одним ударом можно расколоть, они все потенциальные исламисты. Так рассматривают этот вопрос здесь, на Ближнем Востоке.

ИЗРАИЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА «АРАБСКУЮ ВЕСНУ»

Все израильские официальные лица, с кем нам довелось общаться, как заклинание, произносят: «США — наш стратегический партнер». Цви Маген не стал исключением. Но, что примечательно, при этом все добавляют: «Несмотря на такое партнерство, у нас с ними очень серьезные противоречия». О противоречиях — чуть позже, а вот вопрос о роли США в ближневосточных событиях израильскому эксперту задали сразу:

— Вы употребили термин «арабская весна». Не стало ли ухудшение ситуации на Ближнем Востоке результатом «весны», организованной вашим генеральным партнером?

— Я не являюсь сторонником конспирологических версий и на этот вопрос могу ответить так: они этот процесс поддержали, но они его не разрабатывали; сказали: «Браво!», когда уже все было сделано.

— То же самое происходило на Украине: американцы приезжали, тратили деньги.

— Не то же самое! На Украине были люди, которые хотели с ними работать, тем более, фактор России... На Ближнем Востоке раскрутить этот процесс никто не умеет... Зная чуть больше, чем могу озвучить, я вам скажу: они, американцы, такое не в состоянии раскрутить. Они в состоянии наломать дров в Восточной Европе... Согласен с тем, что на Украине — это их работа, не в полном объеме, но согласен. Я не согласен с тем, что они раскрутили исламскую, извините, «арабскую весну». Это естественный процесс! Они в лучшем случае чего-то там сумели наскрести... Лучше, конечно, чтобы этого не было, а было все тихо и спокойно. Но идет процесс, мировой процесс, мировая борьба, она разбудила «арабскую весну», она поднялась. И все эти страсти, включая исламизм, джихадизм, крайние элементы разного толка, вышли из разных мест обитания на свободу, и теперь дестабилизируют регионы мира.

И чтобы окончательно расставить точки над «i», Цви Маген еще раз повторяет:

— Этот процесс неуправляемый, они очень бы хотели, но не получается управлять, или, по крайней мере, не всегда это получается.

— Это израильский взгляд на ситуацию, бывшие члены израильской разведки так считают, — добавила Вера Михлин-Шапир.

УГРОЗЫ СО СТОРОНЫ США

Наконец вопросы к Цви Магену были исчерпаны, и бывший дипломат передал слово своим коллегам.

Сара Файнберг работает над изучением израильских интересов на постсоветском пространстве, а также отношений с диаспорой в США и Франции. Российским журналистам она рассказала о ситуации в Северной Америке и Европе, которая вызывают беспокойство ее страны.

— Первый момент — это предвыборная кампания в Америке, — начала свое выступление бывшая француженка. — Особенно период смены власти в США, между выборами в ноябре и моментом, когда президент реально приступает к исполнению своих обязанностям в январе следующего года. В нашем институте некоторые опасаются, что президент Обама будет пытаться протолкнуть свой первоначальный план — это не только ядерная сделка с Ираном, но и урегулирова-

ние палестино-израильского конфликта. Для него это важно, крайне важно, записать себе в заслуги, восстановить имидж США, ведь, кроме успешного иранского соглашения, время его правления принято в общих чертах считать провалом американской политики.

Поэтому в Израиле есть опасение неожиданной инициативы США, но уже по палестинскому вопросу. Например, предложение документа Совету Безопасности ООН, который включает новые принципы урегулирования палестино-израильского вопроса.

Не менее опасно выглядит альтернатива, что подобный документ будет представлен одной из европейских стран, например, Германией. Параллельно с этим моя родная Франция выдвинула новые инициативы. Они интересны тем, что впервые предлагается вести переговоры без участия израильтян и палестинцев. Несмотря на явные признаки того, что инициатива не будет реализована, она иллюстрирует, если хотите, крайне успешные стратегии палестинских лидеров по выходу из формата двухсторонних переговоров, и давлению на Израиль снаружи, включая санкции. Это война на дипломатическом фронте.

С нашей точки зрения, «формат окончательного решения палестино-израильского конфликта» проблематичный. Мы смотрим на конфликт иначе, чем смотрят на него европейцы и американцы. И хотим совершенно иного подхода — временных, постепенных, поэтапных переговоров по урегулированию конфликта.

Второй момент, волнующий нас, — это нарастающая делегитимизация государства Израиль на уровне общественного настроения и круга лиц, принимающих решения — особенно в Брюсселе и Вашингтоне. Эта опасность настолько возросла в последнее время, что даже директор нашего института, экс-начальник военной разведки, считает, что это стратегическая угроза. Всемирное движение BDS («Бойкот, изоляция, санкции») давит на общественное мнение, на правительства в США и Европе с предложением ввести экономические санкции против Израйля. Не будем забывать, что движение не спонтанное, что у него есть финансирование...

Теперь я хочу представить вам некий документ, который опубликован в прошлом году, — документ о гармонизации европейского права и европейской практики по отношению к странам-оккупантам. Интересно, что европейцы нашли всего три страны-оккупанта — это РФ, наше любимое государство Израиль, а третья — Марокко. Так что мы стоим здесь на одном уровне с Российской Федерацией.

ТОЧКИ НЕСОПРИКОСНОВЕНИЯ

Экс-сотрудник Совета национальной безопасности Вера Михлин-Шапир в области научных исследований специализируется на израильско-российских и израильско-европейских отношениях, российской политике, в том числе и внешней, а также российской и европейской военной политике.

Журналистам она рассказала о своем видении отношений между нашими странами. Эксперт напомнила о том, что истоки сионистского движения — в царской России, лидеры сионистского движения приехали в основном из царской России. Патриотические еврейские песни — это русские песни, переведенные на иврит. Все наши генералы, например, знают и поют «Катюшу». В Израиле живет миллион русскоязычных, которые являются носителями русской культуры. Между израильтянами и россиянами есть понимание в оценке исторических событий, в сохранении памяти о Великой Отечественной войне. В Израиле открыты памятники Красной Армии, которая победила фашизм.

— Я думаю, что у нас схожий менталитет, — поделилась своими размышлениями эксперт. — Израильтяне любят говорить, что они понимают русских, что им

приятно с ними работать. Есть симпатии между лидерами стран. Если посмотреть на экономические отношения, то сейчас товароборот составляет около 3 миллиардов долларов. На правительственном уровне действует смешанная российско-израильская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, начата работа по созданию зоны свободной торговли, есть межправительственная комиссия, которую возглавляет заместитель председателя Правительства РФ Аркадий Дворкович. Есть интерес частных компаний: недавно подписан договор с Чеченской республикой на строительство молочного комплекса, другая компания выходит на российский рынок с сетью кафе.

В чем же израильтяне видят проблемы в отношениях между странами?

— Последние 25 лет складываются дружелюбные отношения между нашими странами. На Ближнем Востоке у нас союз, понимание и координация. Политический диалог в целом развивается хорошо. Но в то же время есть вещи, по которым мы не соглашаемся с Россией. Самая популярная тема, о которой говорили много лет подряд и до сегодняшнего дня, — это отношения с Ираном. Каждый раз, когда премьер-министр приезжает в Москву, обсуждается проблема торговли оружием с Ираном, отношения Российской Федерации и «шиитской оси» — это Иран, шиитская милиция, «Хезболла». Еще одна точка — это отношения России и организации ХАМАС. Когда ее лидеры приезжают в Москву, это более чем неприятно Израилю.

Вторая проблема — это голосование в международных организациях. У Израиля очень тяжелая ситуация на международном фронте. Когда арабские страны голосуют за резолюции ООН, то у нас нет никакого шанса выиграть в этой борьбе. До сегодняшнего дня РФ голосует за резолюции, которые не очень хороши для Израиля. Но когда вопрос переходит в Совет безопасности, там уже игра более развитая: есть отношения с Америкой, есть отношения с Россией, с другими странами. Премьер-министр разговаривал с президентом Путиным об использовании Россией право вето в Совете безопасности. В целом же, когда смотрим на линию РФ в ООН, то видим, что Россия выступает за интернационализацию палестино-израильского конфликта, а мы хотим решать проблемы путем двухсторонних переговоров.

Понимаем, что у России многополярная, многовекторная политика, и что Израиль не в центре политики РФ. Но в то же время спрашиваем себя: где мы в большой политике России?

Подвел итог полуторачасовой встречи Цви Маген:

— Мы не во всем согласны с Россией и наоборот — Россия не во всем согласна с нами. Россия — великая держава, у нее много интересов, много государств окружают ее, у нее, как было уже сказано, многовекторная политика, и поэтому не все однозначно, не все просто. Но есть очень широкий и очень большой круг интересов — начиная с симпатий политических лидеров и заканчивая экономическими контактами — наработанных историей, большими усилиями за последние четверть века. И этот позитив стоит сохранить. Достояние — точное слово! — кровью и потом заработанное достояние. Не имеет значения, чем и как кончаются те или иные разборки между нами и соседями, между Россией и ее соседями, так или иначе нам бы хотелось видеть Россию среди наших друзей, и наоборот — тоже.

Фото Виктора РУДЕНКО